

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Ежик, разрушивший стену	7
Глава 2. Одиночество на двоих	13
Глава 3. Минус один грамм	18
Глава 4. От ежика и обратно	25
Глава 5. Мистер Мамочка	31
Глава 6. Нинна открывает глаза	36
Глава 7. Природа в гармонии	43
Глава 8. Домик для Нинны	48
Глава 9. Путешествие к морю	54
Глава 10. Только Лилли, Джек и Нинна	60
Глава 11. Отпуск — значит «отпустить»	66
Глава 12. «Как там Нинна?»	72
Глава 13. Центр великой идеи	78
Глава 14. Опасная встреча	84
Глава 15. Нежданный гость	89
Глава 16. Нинна и Нинно	96

Глава 17. Только по любви	102
Глава 18. Спасение Трилли	108
Глава 19. Рай для мечты	114
Глава 20. Независимость	120
Глава 21. Первый пациент «Ла Нинна»	127
Глава 22. Дружба, скрепленная кровью	133
Глава 23. Энтузиазм заразителен	139
Глава 24. Потеря	145
Глава 25. Тот самый день	152
Глава 26. Грусть и утешение	158
Глава 27. Мир без жестокости	161
Глава 28. Капля чистого счастья	169
Глава 29. «Не бойся...»	175
Глава 30. День ежа	180
Глава 31. Мы оба здесь!	188
Глава 32. Ценность жизни	197
Эпилог	201
Благодарность	202
Ссылки	205

Введение

На этих страницах рассказана правдивая история — история Массимо Ваккетты и его ежей. Я встретила Массимо случайно — хотя кто знает, возможно, ничего не происходит просто так — и сразу захотела написать о нем, о его ежином мире и Центре спасения ежей «Ла Нинна». Я написала статью на две страницы для еженедельного журнала «Конфиденце тра мите», с которым сотрудничаю, и она получила широкий отклик.

Затем от издательства «Сперлинг&Купфер» поступило предложение: «Можно ли написать об этом книгу?» И вот она перед вами. Массимо рассказывал мне по телефону обо всем — часами, днями, неделями и месяцами. А я слушала. Рассказывая, он ухаживал за своими ежами — разумеется, ведь у него не было столько свободного времени. Я же просто слушала, внимательно, чтобы ничего не упустить. Даже те слова, которые он не произнес. И особенно его чувства, во всех проявлениях и оттенках, чтобы

передать это читателям. Пытаясь не допустить в это невольно что-то свое. Хотя это и невозможно на сто процентов — иногда сердце, тайком, проскальзывает, и ты даже не замечаешь.

Как и он, я люблю животных с самого детства. Мои муж и сын тоже. У нас четыре собаки: Луна, Маре, Блю и Мострилла. И рыжий кот, навещающий нас каждый день. Очарованные, мы всегда встречаем его с распростертыми объятиями. Его зовут Пимки. Еще у нас пятнадцать золотых рыбок в пруду, который мы создали сами. Здесь же поселились несколько лягушек, и каждое лето воздух наполнен их кваканьем.

Мы никогда не видели ежейков в нашем саду, но уверены, что по ночам они выходят побродить там.

Но вернемся к Массимо. Если каждый человек на этой планете уникален, Массимо немного больше чем просто уникальный. Я обнаружила, что между историями думаю о том, что он никогда не состарится. У него душа поэта и взгляд ребенка. Поэтому он видит прекрасное там, где остальные этого не замечают. Сентиментальный и мечтательный, он не лишен недостатков, которые не пытается скрыть. Сожаления, печали и радости, неуверенность и убежденность. Его стремление делать и отдавать безгранично, пока есть ежи, которые нуждаются в нем. Все время, пока он жив.

Антонелла Томазелли

Глава 1

Ежик, разрушивший стены

Май 2013. Весна была в самом разгаре, но она не трогала меня. Ее виды и ароматы казались блеклыми и далекими. Я чувствовал себя потерянным.

Острая потребность в переменах жгла меня изнутри. Мое желание последовать за мечтой не ослабевало. Несмотря ни на что. Несмотря на раны, которые я получил, и поражения в битвах, которые пережил.

Я смахнул волосы со лба, словно желая отмахнуться от назойливых мыслей, и открыл шкаф. Придирчиво подбирая цвета, выбрал пару брюк, светлую водолазку, пиджак, ботинки, носки. Надел хорошие часы. Посмотрел в зеркало. Все было безупречно, вплоть до мелочей. Я зашел в гостиную. Там была Грета, устроившаяся на диване. Она подняла глаза от планшета.

— Хорошо выглядишь, — довольно сказала она.

Продолжая смотреть на меня, она вдруг стала серьезной.

— Но взгляд у тебя всегда немного грустный. Даже когда ты улыбаешься, — добавила она почти шепотом.

Я вздохнул в ответ.

— Скоро вернусь, — сказал я и вышел, захватив ключи от машины.

Я медленно ехал по дороге, в то время как мои чувства и мысли сменяли друг друга и путались в голове.

*Я был недоволен своей жизнью и работой.
Было ощущение, будто на ощупь пробираюсь
через пустую, темную комнату, не имея
никаких ориентиров. Мне нужно было что-
то, что могло меня взбодрить. Что вызвало
бы во мне желание жить, чего мне так
не хватало.*

Грета подталкивала меня, считая, что так помогает. Но мне не хотелось двигаться в том направлении, которое она предлагала. Это нравилось ей, а не мне.

Окончив школу — тогда я еще не был с ней знаком, — я решил стать ветеринаром. Всем вокруг, даже мне, мой выбор казался случайным. Но он таким не был. Только потом я понял, что корни этого решения уходят в мое детство. Может, я просто родился с желанием помогать животным. Кто знает?

И все же, проработав ветеринаром несколько лет, я почувствовал, что что-то было не так. Чего-то не хватало. Я ощущал гнет этой объемной пустоты, но не знал, как ее назвать.

Грета прагматично советовала: «Попробуй заняться чем-нибудь другим. Например, ты мог бы начать работать с мелкими животными. Собаками, кошками. Со всеми домашними животными. Ты бы зарабатывал гораздо больше, ты знаешь. И тебе нужно думать о старости. О дополнительной пенсии. Или страховании жизни».

Я как будто говорил с отцом: делай это, делай то. Но я не такой и не был таким. Я полная противоположность того, кто планирует свою жизнь. Это не в моем стиле. Я не мог представить себя засевающим в клинике и снующим туда-сюда между прививками и микрочипами. Я привык к другим ситуациям, более экстремальным.

Но, следуя ее совету, я начал работать в двух небольших ветеринарных клиниках пару раз в неделю. В тот день я ехал в одну из них — должен был подменить на выходных Андреа, владельца. Когда я пришел туда, он поздоровался и начал инструктаж. Он объяснил все, что нужно было сделать, пока мы обменивались шутками о себе и о работе. Перед тем как попрощаться, Андреа показал мне коробку. Внутри было маленькое животное. Крошечное.

— Это ежонок, — сказал он.

Я с любопытством посмотрел на малютку.

— Женщина нашла его в своем саду. Он сирота, — продолжил Андреа. — Она принесла его сюда, потому что не знала, что с ним делать.

Маленькое создание все это время лежало с закрытыми глазами. Его розовая кожа еще не покрылась шерстью. Мягкие белые иголки торчали в разные стороны. Они начинались сразу за его крошечными ушами и спускались вниз по спине.

— Он родился два или три дня назад. Весит всего 25 граммов, — сказал Андреа.

— 25 граммов — совсем ничего, — заметил я.

— Да. Его нужно покормить несколько раз.

— Какое молоко лучше всего подойдет вместо материнского?

— Мне посоветовали козье. Коровье молоко не годится, потому что содержит очень много лактозы, сахара, который ежи плохо переносят. Его нужно выкармливать шприцем, по капле за раз.

— Это что-то новое!

Я взял ежонка и положил на свою ладонь, чтобы разглядеть поближе. Я застыл, рассматривая его передние лапки: своими тонкими пальчиками они походили на маленькие ручки. Меня поразило это сходство. Но, отбросив накатившую на меня сентиментальность, я положил Андреа, улыбаясь:

— Давай сделаем несколько снимков с ним и выложим их на Фейсбук.

Мы сняли несколько селфи на свои телефоны. Я, он и ежонок. Я и ежонок. Он и ежонок. Выбрали лучшие для публикации. Прощались. И я отправился домой, где меня ждала Грета.

о о о

Следующим утром я собирался с обычной тщательностью. Надел джинсы и голубую льняную рубашку с воротником на пуговицах. Перебрал свои пиджаки и выбрал один повседневного фасона, но безупречно скроенный. Светло-бежевого цвета. Подобрал к нему лоферы. Придирчиво осмотрел себя в зеркале. Мне было важно, как я выгляжу.

Как мы договаривались, я пошел в клинику Андреа. Прежде всего, мне хотелось увидеть ежонка. Это необычное маленькое создание тронуло меня накануне.

Я открыл дверь и замер. Он плакал. Мягким, тихим писком. Как птенец. Постоянное, тихое всхлипывание с короткими паузами. Оно проникало прямо в сердце. Оно кололо. Причиняло боль. Звук плача, слабый, но душераздирающий.

Маленький ежик плачем просил о помощи.

Я подошел к коробке, наполненной древесными опилками, где он лежал. Достал малютку и положил на стол рядом.

Ежонок был холодным. Это был холод ускользающей жизни, приближающий смерть. Мне было бесконечно жаль маленького зверька.

Меня охватили чувства, которые были знакомы и одновременно новы, как будто они дремали во мне долгие годы, скрытые или запертые, и теперь освободились. Я привык к страданиям животных, построив вокруг себя стену, чтобы отстраниться от них. Эта стена рухнула при виде маленького ежика.

Я посмотрел на беспризорника другими глазами. Представил, как он стал сиротой, как его мать, отправившуюся на поиски еды, сбивает машина, возмозжно, придавив к асфальту. Я представил детеныша в напрасном ожидании, полного страха, вылезающего из гнезда в поисках матери. И в какой-то момент, как гром среди ясного неба, я почувствовал его абсолютное одиночество. Узнал его. Я тоже испытывал это, когда был ребенком.

Глава 2

Одиночество на двоих

Родители моей матери играли важную роль в моем детстве. Они были фермерами. Два приятных, доброжелательных человека, с любовью относившихся ко мне.

Я часто оставался у них, особенно во время школьных каникул, потому что мои родители работали. Бабушка Катерина была простым человеком. Ее можно было читать, как открытую книгу. Она была сама доброта. Ограниченное воспитание и определенный уровень неграмотности в сочетании с менталитетом той эпохи и тех мест не подавили ее мягкости и красоты. Иногда бабушка брала меня с собой в хлев. Когда я был совсем маленьким, она сажала меня в люльку, садилась рядом со мной и вязала, рассказывая мне истории. Я слушал. И наблюдал за коровами и телятами. И за ласточками, гнездившимися там в большом количестве.

Когда я стал чуть постарше, ходил с ней в поле, пытаясь помогать. Потом мы направлялись к деревьям на краю двора. Мы сидели на траве, в тени.

Она доставала завтрак или перекус из корзины, которую брала с собой. Мы ели, окутанные ароматом сена. Вокруг было спокойно. Иногда мы засыпали под звуки сверчков и цикад, и размеренный ритм деревни тех дней, той поры, становился нашим ритмом.

Мой дедушка был удивительным человеком. Он никогда не повышал голос, но был твердым, это проявлялось во всем. Деревенский и в высшей степени порядочный, он обладал острым умом. Никогда не терял головы, всегда сохраняя трезвый взгляд на вещи. Он был спокойным внутри и динамичным снаружи. Активным. У него была астма, и его дыхание сопровождалось постоянным хрипом. После трех шагов ему приходилось на секунду останавливаться, чтобы отдышаться. Это была огромная проблема, с которой он старался справиться. Мой отец, заикленный на медицине, всегда был рядом, чтобы подать ему ингалятор, позаботиться о нем. Он говорил: «Я продлеваю ему жизнь». Так оно и было: это очень ему помогало. В доме моих бабушки и дедушки жил также Освальдо, младший брат моей матери. Он был для меня не просто дядей, но и братом тоже. Старшим братом. В конце лета я возвращался домой с мамой и папой. Наши прощания были похожи на похороны. Бабушка плакала. Я тоже.

И все же я испытывал одиночество даже у бабушки с дедушкой. Пустоту. Мои папа и мама часто заезжали вечером повидать меня. Я ждал их. С приходом темноты я в буквальном смысле замирал, прикинув к кухонному окну.

Я взволнованно вглядывался в свет фар каждой проезжающей машины. Ждал в тишине. Я скучал по маме. Очень.

По возвращении домой осенью я снова шел в школу. Я учился в церковно-приходской школе под руководством монахинь. Когда звучал звонок, все дети с визгами и смехом расходились по домам. Только я оставался. Длинными, нескончаемыми послеполуденными часами. До половины пятого или до пяти часов вечера, когда за мной приходила мама. В школе я тоже ждал ее у окна. Часы тянулись бесконечно. Я был совсем один. Часто рисовал. Сестра Франческа говорила, что у меня получалось хорошо. Каждый раз, когда она смотрела на мои рисунки, на ее лице появлялось удивление.

В хорошую погоду мне разрешали подождать в школьном дворе. Мне там нравилось. Позади двора был сад, где я катался на велосипеде. Туда-сюда. И кругами. Вперед, назад и вокруг. Иногда я останавливался, одной ногой опираясь о землю, другую оставив на педали, чтобы полюбоваться бабочкой. Или бросал велосипед и гонялся за ящерицей. Я наблюдал за муравьями и другими насекомыми, названий которых не знал. Каждый день — похожий на остальные,